

УДК 930.1; 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.4.192

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: КОНТЕКСТУАЛИЗМ К. СКИННЕРА

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматриваются представления К. Скиннера – одного из самых известных представителей интеллектуальной истории Кембриджской школы. Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий интеллектуальный контекст, который, в свою очередь, может быть постигнут только с позиции языка, доступного отдельным авторам. Указывается, что истинное историческое понимание, по Скиннеру, состоит в изучении стремлений и намерений автора посредством анализа лингвистического контекста.

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекстуализм, политическая теория, речевой акт.

Интеллектуальная история представляет собой изучение интеллектуалов, идей и интеллектуальных паттернов, их изменений и преобразований с течением времени. Подобное широкое определение подразумевает под собой чрезвычайное разнообразие подходов к интеллектуальной истории. С одной стороны, интеллектуальная история может быть определена как разновидность историографии, посвященной анализу идей, мыслителей, интеллектуальных течений. С другой стороны, интеллектуальная история не только сосредотачивается на изучении идей, воплощенных в письменных документах, но затрагивает другие формы и способы выражения материальной культуры.

Следует несколько дифференцировать «интеллектуальную историю» и «историю идей», хотя данные термины иногда используются как синонимы. Историк идей склонен выстраивать историческое повествование вокруг одной основной идеи и проследить ее развитие и проявление в различных контекстах и временах. Классическим примером подобного является подход А. Лавджоя, стремящего обнаружить скрытую структуру, которая связывает и организует всю западную философскую мысль. Лавджой исследовал универсальные идеи-единицы [2], функционирующие на протяжении всего становления знания и используемые как составные элементы в более сложных конструкциях теорий и различных учений. Главная задача историка идей в этой связи состояла в поиске изначальных проявлений некоторой концепции или предположении в той или иной философской или религиозной системе, научной теории, в литературе и искусстве, описании ее манифестаций на всех стадиях исторического развития. Несмотря на

ряд достоинств данной методологии, позволяющих выделять общие черты в мышлении и тем самым привлекать внимание к так называемым вечным проблемам, подобное преимущество является также и недостатком. Данный подход способствует своего рода платоническому отношению к идеям и мыслям, как если бы они каким-то образом существовали вне своего контекста и просто проявлялись в различные исторические периоды [7].

Существует много типов интеллектуальной истории, каждый из которых имеет свои особенности, будучи связанным с какой-либо из дисциплин – философией, политической теорией, историей культуры и социологией. Одной из наиболее продуктивных является интеллектуальная история, сопряженная с историей политической мысли [7]. В настоящее время большинство представителей интеллектуальной истории отмечают, что их первоочередной задачей является понимание не столько идей вообще, а политических идей в частности, что приводит к изменению направленности их практики – они истолковывают интеллектуальную историю как дисциплину, в первую очередь связанную с политическими идеями и идеологиями. При этом иногда достаточно трудно провести разграничение между интеллектуальными историками и историками политической мысли.

Выдающимися представителями интеллектуальной истории, делавшими упор на политическую мысль, являются Исая Берлин (преподававший в Оксфорде) и Квентин Скиннер (преподающий в Кембридже). Интересной чертой, общей для Берлина и Скиннера, является акцент на политических идеях в значительной степени за счет других видов идей (метафизических, научных, эстетических и т. д.).

Интеллектуальная история Берлина сосредотачивается вокруг величайшей революции в концепциях и категориях со времен Возрождения и Реформации: бунте против монизма во всех областях человеческой мысли и деятельности [3]. Одним из центральных объектов изучения Берлина является дихотомия монизма – плюрализма, единообразия – многообразия, распространенная в западной философской мысли. В берлинской историографии философское господство монизма, простирающееся от платоновской метафизики до просвещенческого материализма XVIII в., закончилось подъемом Контрпросвещения и утверждением, что разнообразие в целом предпочтительнее единообразия [4]. Одной из фундаментальных идей, историю которых проследживает Берлин, является идея свободы. Наиболее известным вкладом в политическую теорию является, вероятно, эссе «Две концепции свободы», первоначально представленное в 1958 г. в качестве инаугурационной речи при вступлении на должность профессора социальной и политической теории в Оксфорде [1].

Скиннер в настоящее время является одной из самых важных фигур в интеллектуальной истории и Кембриджской школе политической мысли. Автор большого количества эссе по методологии интеллектуальной истории и ранней современной (в основном английской) политической теории,

Скиннер наиболее известен как сторонник контекстуалистского подхода к интеллектуальной истории.

Кембриджская школа сформировалась в 1960–1970-х гг. и ассоциируется с именами таких фигур, как Дж. Покок, К. Скиннер, Дж. Данн. Изначально Покок сосредотачивал свои исследования на истории историографии, Скиннер – на истории философии, а Данн – на политической теории, понимаемой как раздел исторических исследований. В то же время каждый из них внес значительный вклад в изучение истории политической мысли как таковой: Покок представил обзор идеологии античного конституционализма в английских политических дебатах XVII в., Данн предложил классическую трактовку политической мысли Джона Локка, а Скиннер опубликовал оригинальные исследования политической философии Томаса Гоббса [7].

Представители Кембриджской школы отказывались от целого ряда исторических заблуждений – анахронизма, пролепсиса и телеологии, стремясь использовать исторические способы исследования в целях изучения сочинений мыслителей прошлого. Это повлекло за собой обращение с идеями как с аргументами и убеждениями, а не как с бестелесными сущностями. Утверждалось, что для понимания политических позиций, выдвинутых каноническими фигурами в истории политических идей, необходимо поместить их в их первоначальный лингвистический и исторический контекст [6].

Хотя Кембриджскую школу нельзя с полным основанием охарактеризовать как отстаивающую последовательную политическую программу, в 1980-х гг. Скиннер стал сосредотачиваться на исследовании и поддержке идеологии республиканизма, которую он сам описывал как «нео-римский» стиль мышления. Таким образом, Кембриджская школа, объединенная широкими методологическими принципами, имела тенденцию разделяться в своей приверженности доктрине республиканизма, с отличиями в позициях, озвученных Пококом, Скиннером, Данном [9].

Методология Кембриджской школы – лингвистический контекстуализм – выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий интеллектуальный контекст, который, в свою очередь, может быть понят только с позиции языка, доступного отдельным авторам. Таким образом, ключ к пониманию текста лежит в понимании языка, используемого автором для формулирования конкретного утверждения. Язык выступает и как структурное условие, которое ограничивает действия конкретного автора, и как ресурс для действия, обеспечивающий автора различными возможностями. Данные представления во многом сформулированы Скиннером, использовавшим философские идеи с целью придания ясности и строгости предлагаемой стратегии исследования. В то же время воззрения Скиннера на контекст, понимаемый им преимущественно как лингвистический, не всегда

вызывали единодушное согласие со стороны других кембриджских историков. К примеру, Покок склонен рассматривать «дискурсы» как действующие независимо от индивидуальных намерений или речевых актов, которые, с точки зрения Скиннера, должны их представлять. Тем не менее, в целом, историки данной школы склонны считать, что основная задача исследования – интерпретация намерений авторов прошлого, помещенных в соответствующий контекст [6].

М. Бевир предлагает разграничить позицию Скиннера, которую он именует конвенционализмом, и контекстуализм Покока, признавая при этом, что они оба утверждают, что изучение лингвистического контекста текста по крайней мере необходимо для понимания высказываний. По мнению Покока, значение текста проистекает из парадигмы или языка, к которому он принадлежит. Скиннер утверждал, что для понимания текста необходимо поместить его в границы современных ему условий и обсуждений. Контекстуалисты отрицают, что авторские намерения имеют значение на том основании, что парадигмы определяют значения, а конвенционалисты считают, что значения воплощают авторские намерения, хотя авторы должны выражать свои намерения условно. Контекстуалисты стремятся рассмотреть тексты в границах парадигм, основанных на общих доктринах или предположениях, а конвенционалисты сосредотачиваются на обсуждениях, представляющих собой речевые акты, касающиеся сходных вопросов [5].

Так, Покок критиковал конвенционалистов за акцентирование внимания на авторских намерениях, а не на дискурсе [11], в то время как Скиннер критиковал его сторонников за обратное – упор на дискурс, а не на авторские намерения. По Скиннеру, существует очевидная опасность того, что при сосредоточенности на отношениях между словарем, используемым данным писателем, и традициями, с которыми он может казаться связанным, исследователь может стать нечувствительным к иронии, уклончивости и ситуациям, в которых может показаться, что автор стремится донести нечто иное, чем то, что он фиксирует в тексте [14]. Покок утверждал, что значения высказываний проистекают из парадигм или языков. Он настаивал на том, что даже если авторы остаются действующими лицами истории, единицы истории представляют собой теоретические и лингвистические структуры, фиксирующие то, что говорят авторы. Другими словами, язык функционирует «парадигматически, предписывая, что автор может сказать и как он может это сказать» [5]. Он допускал, что тексты могут иметь несколько значений, но подобный открытый характер приписывал не способности авторов творчески использовать язык для передачи конкретных идей, а тому факту, что любой языковой контекст обычно включает несколько языков, каждый из которых придает тексту разное значение: «чем сложнее, даже противоречивее языковой контекст, в котором находится автор, тем богаче и амбивалентнее становятся речевые акты, которые он способен совершать»

[10]. Скиннер, в свою очередь, утверждал, что значения высказываний проистекают от авторов, выражающих свои намерения в соответствии с соглашениями, регулирующими трактовку вопросов, к которым они обращаются [13]. Чтобы понять высказывание, мы должны уловить как его значение, так и его иллокутивный компонент, отражающий коммуникативную цель говорящего. Но, в целом, несмотря на часто не признаваемые различия, Покок и Скиннер считают изучение языковых контекстов необходимым и даже достаточным для обеспечения правильного понимания высказывания.

В 2002 г. были опубликованы «Видения политики» – трехтомный сборник сочинений Скиннера, первый том из которого содержит различные методологические статьи. Всесторонне переработанные и расположенные в логическом (а не в хронологическом) порядке, десять эссе, составляющих книгу, представляют собой систематическое изложение направления отстаиваемого им контекстуализма [9]. Ряд критиков Скиннера указывали на его квазиидеалистический вывод о том, что неязыковые особенности данного исторического контекста (например, классовые или экономические устройства) не играют никакой роли в определении значений политической идеи. Другая линия критики заключалась в следующем утверждении: Скиннер предполагает неправдоподобно целостный взгляд на культурное значение, отстаивая убеждение, что для каждой идеи существует заранее заданный контекст, который должен быть описан, тем самым идеи кажутся фиксированными внутри объективно идентифицируемых сфер значения. Подобное предположение игнорирует очевидную фрагментацию или разобщенность лингвистических контекстов, а также прибегает к ложному объективизму в отношении идентификации контекстов, как если бы выбор историком лингвистического контекста являлся вопросом эмпиризма, а не интерпретации [7]. Другая линия критика, исходящая, например, от Г. Уоррендера, состояла в том, что Скиннер подвергал сомнению «вечную мудрость», предположительно воплощенную в философской традиции [8, р. 6].

Обратимся более подробно к воззрениям Скиннера. Две ранее существовавшие методологические традиции представляются Скиннеру некорректными. Первой из них является традиция интерпретации «великого канонического текста», в рамках которой труды мыслителей прошлого использовались для обсуждения проблем, вызывающих непреходящий резонанс. Человеком, более всего ассоциируемым с данной традицией, несомненно, является Лавджой. Второй методологической традицией, критикуемой Скиннером, является стремление свести текст к социальному контексту, при котором при анализе значения текста и высказываний предпочтение отдается детерминированным социальным, политическим или экономическим структурам.

Основная методологическая позиция Скиннера сводится к контекстуализму, согласно которому значение идеи может быть понято только тогда, когда она помещена в более широкий исторический контекст лингви-

стических высказываний, писанных или устных, частью которых она является. Наибольшее влияние на Скиннера оказали труды Р.Г. Коллингвуда, У. Куайна, Т. Куна и Дж.Л. Остина. Хотя Скиннер отверг точку зрения Коллингвуда о том, что историк должен стремиться «реконструировать» идеи мыслителей прошлого на том основании, что сама фактическая мысль недоступна в непосредственном смысле, он тем не менее придерживался цели реконструкции прошлых идей посредством исторической интерпретации, которая должна привести к признанию историчности философии прошлого. Подобное представляется вполне достижимым при восприятии аргументации мыслителей прошлого как речевых актов, понимаемых в трактовке Остина. Внимание Скиннера привлекла следующая позиция: понимание утверждений предполагает схватывание не только значения данного высказывания, но также и предполагаемой иллюкутивной силы. Стало быть, для того, чтобы говорить о понимании какого-либо высказывания, сделанного в прошлом, недостаточно понять то, что было сказано, изучить то, что обозначало данное утверждение и каков был его социальный контекст. Важным представляется выяснение того, что подразумевалось при произнесении, какие отношения могли существовать между различными высказываниями даже в одном и том же общем контексте [12, р. 47]. Тем самым, понимание текстов предполагает понимание как того, что они обозначали, так и того, каким образом это значение должно было быть воспринято. Иными словами, понимание текста подразумевает понимание авторского намерения быть понятым, что представляет текст как предполагаемый акт коммуникации [12, р. 48]. Соответствующая методология истории идей должна касаться определения всей совокупности коммуникаций, которые могли бы быть реализованы в конкретном случае посредством произнесения данного высказывания, а затем прослеживания отношений между данным высказыванием и более широким языковым контекстом как средством для расшифровки действительного замысла данного писателя.

Кроме того, Скиннер, возрождая формулировку Коллингвуда, подразумевает, что не существует вечных проблем – существуют только индивидуальные ответы на отдельные вопросы и, возможно, столько же разных вопросов, сколько есть их задающих [12, р. 50]. Тем самым любой аргумент неизбежно является локальным или частным и вследствие этого не может достичь уровня абстракции, необходимого для того, чтобы иметь трансисторическое значение. Любое утверждение неизбежно является воплощением конкретного намерения в конкретном случае, направленным на решение конкретной проблемы, и, таким образом, является специфичным для своего контекста, поэтому классические тексты касаются своих собственных проблем, а в философии не существует вечных вопросов. Для Скиннера, как и для Коллингвуда, не существует устойчивого различия между историей и философией: все философские вопросы на самом деле являются историческими [9]. Это даже не отрицание возможности существования ка-

жущихся вечными вопросов, если они сформулированы достаточно абстрактно. При утверждении того, что человек учится на основе данных ответов, обнаруживается, что озвученные вечные ответы на вопросы выглядят в иной культуре или периоде по-другому, поэтому полезность продолжения рассуждений сомнительна: «Грубо говоря: мы должны научиться думать самостоятельно». Требование от истории мысли решения наших собственных непосредственных проблем подразумевает как методологическую, так и моральную ошибки [12, р. 52–53].

Основная цель интеллектуального историка, по Скиннеру, состоит в «восстановлении сложного намерения автора», следовательно, соответствующая методология должна определять весь круг сообщений, которые могут быть конвенционально осуществленными в данном случае посредством произнесения данного высказывания. Далее следует проследить отношения между данным высказыванием и «более широким языковым контекстом как средством расшифровки действительных намерений данного писателя» [5].

В ряде случаев Скиннер приравнивает предполагаемую иллюкутивную силу к фактической иллюкутивной силе на том основании, что авторы следуют господствующим условностям, чтобы быть понятыми. «Любой писатель, как правило, должен быть вовлечен в акт коммуникации», поэтому «какие бы намерения ни были у данного писателя, они должны быть конвенциональными намерениями в том смысле, что они должны быть узнаваемы как намерения отстаивать какую-то конкретную позицию в обсуждении какой-либо темы или вопроса» [13]. Тем самым, для того чтобы понять высказывание, историки должны знать о соглашениях, регулирующих обсуждение вопросов, которые оно затрагивает. Следовательно, восстановление предполагаемой иллюкутивной силы высказывания требует отдельной формы исследования, которое необходимо предпринять, если цель критика состоит в том, чтобы понять «смысл» соответствующих произведений писателя [13].

Другими словами, значение высказывания связано с его иллюкутивной силой: необходимо понять не только то, что означают сами слова индивида, но и то, что делало или подразумевало действующее лицо, произнося подобное конкретному человеку в конкретном случае. К примеру, говоря об утверждении Макиавелли относительно того, что армии наемников всегда подрывают свободу, Скиннер отмечает, что хотя понимание смысла самого высказывания не вызывает особых затруднений, это ничего не говорит нам о том, что Макиавелли делал или подразумевал, произнося его. Единственным способом понимания этого является исследование доминирующего интеллектуального контекста того времени: «Уделяя как можно более пристальное внимание контексту конкретного высказывания, мы можем надеяться постепенно усовершенствовать наше ощущение точного смысла, конституируемого самим высказыванием» [15].

В «Значении и понимании в истории идей» Скиннер указывает, что изучение классических текстов должно выявить не тождество, а существенное разнообразие моральных предположений и политических обязательств: «Концепции, которыми пользовались наши предки, и значения, которые они придавали терминам, выражающим эти концепции, иногда выглядят для нас, в значительной степени, знакомыми вследствие преемственности нашего мышления о политических ценностях и практиках». Однако Скиннера больше интересуют разрывы и отличия, нежели сходства, которые он стремится обнаружить. К примеру, современный человек привык думать о свободе личности как о предикате действий, утверждая, что люди свободны, если они не ограничены в осуществлении своих полномочий. Но почти никто не рассуждал подобным образом вплоть до эпохи Просвещения [8, р. 7]. «Как я уже сказал, они думали о свободе как о названии статуса, статуса независимых людей в отличие от рабов. Что, если бы мы попытались увидеть вещи под совершенно другим углом? Нам пришлось бы задавать разные вопросы о свободе и формах правления, а также об отношениях между свободой и социальной справедливостью. Мы могли бы даже прийти к выводу – как и я сам – что такой способ осмысления концепции более плодотворен и потенциально полезен, чем наши нынешние способы разговора. Вы правы, говоря, что некоторые политические писатели утверждали, что их работа, по выражению Фукидида, является достоянием на все времена» [8, р. 8–10]. Однако, хотя в настоящее время многие читают Фукидида, это не подразумевает, что его читатели одобряют все, что он говорит о политике и войне. Поэтому, когда мы говорим о том, что Фукидида следует читать, это не означает того, что его работа содержит какие-то вечные истины.

Итак, Скиннер является одним из самых известных представителей интеллектуальной истории. Его влияние простирается далеко за ее пределы в область политической теории. Критикуя любые попытки суждения об идеях прошлого в полном соответствии с нынешними потребностями, Скиннер предлагает контекстуализм, подразумевающий, что историк может по-настоящему познать прошлые идеи только тогда, когда он поймет политические обстоятельства, в которых они возникают, против кого они были направлены, в поддержку кого были адресованы, следствием какого политического и социального развития были. Истинное историческое понимание состоит в изучении стремлений и намерений автора посредством анализа лингвистического контекста. Лингвистический контекст идеи состоит из теорий, документов и высказываний, подпадающих под категорию «речевых актов», – все они скрыто или явно имеют отношение к рассматриваемой идее.

Любое утверждение, по Скиннеру, неизбежно является воплощением конкретного намерения в конкретном случае, и направлено на решение конкретной проблемы, является специфичным для ситуации. Тем са-

мым контекстуализм противостоит как абстрактному анализу идей прошлого, оторванному от их исторического контекста, так и нормативной оценке мыслителей прошлого как дополнению к политической философии. Хотя именно Скиннер наиболее систематически представил контекстуалистский подход, не все контекстуалисты являются его последователями. Тем не менее общая направленность его проекта, т. е. историзация политической мысли и стремление истолковать тексты в рамках их исходного круга вопросов, является центральной для контекстуализма.

Список литературы

1. Берлин И. Две концепции свободы // Четыре эссе о свободе [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svobode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.07.2021).
2. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
3. Потамская В.П. Проблема утопии в работах И. Берлина // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2022. № 3 (30). С. 16–22.
4. Berlin I. Apotheosis of the Romantic Will: the Revolt against the Myth of an Ideal World // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 207–237.
5. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_noSplash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.09.2022).
6. Bourke R. The Cambridge School [Electronic resource]. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (accessed: 25.09.2022).
7. Gordon P.E. What is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field [Electronic resource]. URL: https://projects.iq.harvard.edu/files/history/files/what_is_intell_history_pgordon_mar2012.pdf (accessed: 26.09.2022).
8. Ideas in Context: Conversation with Quentin Skinner [Electronic resource]. URL: <https://cjh.uchicago.edu/issues/fall16/7.12.pdf> (accessed: 24.08.2022).
9. Lamb R. Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique [Electronic resource]. URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10036/55413/RLambHHSSkinnerarticle.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (accessed: 24.08.2022).
10. Pocock J.G.A. Languages and their Implications. In *Politics, Language, and Time*. London: Methuen, 1972. 299 p.
11. Pocock J.G.A. *Virtue, commerce, and history: essays on political thought and history, chiefly in the eighteenth century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 312 p.
12. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 24.08.2022).

13. Skinner Q. *Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 393–408.*
14. Skinner Q. *Problems in the Analysis of Political Thought [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/190781> (accessed: 24.09.2022).*
15. Skinner Q. *Visions of Politics: Volume 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 228 p.*

INTELLECTUAL HISTORY: Q. SKINNER'S CONTEXTUALISM

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the Q. Skinner's conception, who is one of the most famous representatives of the intellectual history of the Cambridge School. Skinner's contextualism is expressed in the notion that texts can only be correctly understood and interpreted when placed in an appropriate intellectual context, which, in turn, can only be understood from the standpoint of the available language. It is pointed out that true historical consists in studying the aspirations and intentions of the author by the means of the analysis of the linguistic context.

Keywords: *intellectual history, contextualism, political theory, speech act.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Associate Professor of the Department of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru